

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 2 / 2025, Vol. 5, Iss. 2 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.161.1

¹ Сафин Р.Н., ¹ Владимирова Л.В.,
¹ Валеева Д.Р.

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Англицизмы как компонент современного речевого поведения (лексико-грамматический аспект)

Аннотация: в статье рассматривается грамматический аспект одной из характерных черт речевого поведения некоторых говорящих и пишущих на русском языке, а именно спонтанного использования англицизмов. Методология исследования представлена обзором научных работ отечественных исследователей по вопросу лексических заимствований в русском языке, а также анализом лексических заимствований, использование которых носит единичный, уникальный характер, с позиций семантики и грамматической реализации. Сбор лексического материала осуществлялся методом сплошной выборки из письменных интернет сообщений и интернет переписки, газетной публицистики определенной тематики – спорт, жизнь молодежи, реклама и т.д., а также некоторых жанров устной речи – как правило, устных публичных выступлений в официальной или полуофициальной обстановке. Результаты научного исследования представлены в виде выводов, в которых регистрируются как изменения в лексической системе, так и определенные подвижки в грамматической системе – например, в формообразовании частей речи, строении предложений и организации групп предложений.

Ключевые слова: неологизмы, англицизмы, русская грамматика, окказиональное словообразование, варваризмы, речевое поведение, комический эффект

Для цитирования: Сафин Р.Н., Владимирова Л.В., Валеева Д.Р. Англицизмы как компонент современного речевого поведения (лексико-грамматический аспект) // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 2. С. 87 – 95.

Поступила в редакцию: 27 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 08 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 27 февраля 2025 г.

¹ Safin R.N., ¹ Vladimirova L.V.,
¹ Valeeva D.R.

¹ Kazan (Volga Region) Federal University

Anglicisms as a component of modern speech behavior (lexico-grammatical aspect)

Abstract: the article examines the grammatical aspect of the spontaneous use of anglicisms as one of the characteristic features of the speech behavior of some speakers and writers in Russian. The research methodology is presented by a review of scientific works of domestic researchers on a survey of lexical borrowings in the Russian language, as well as an analysis of lexical borrowings, the use of which is single, unique, from the standpoint of semantics and grammatical implementation. The collection of lexical material was carried out using a continuous sampling method from written Internet messages and Internet correspondence, newspaper journalism on a certain topic - sports, youth life, advertising, etc., as well as some genres of oral speech – usually oral public speeches in an official or semi-official setting. The results of scientific research are presented in the form of conclusions, which

record both changes in the lexical system and certain advances in the grammatical system – for example, in the formation of parts of speech, the structure of sentences and the organization of groups of sentences.

Keywords: *neologisms, anglicisms, Russian grammar, occasional word formation, barbarisms, speech behavior, comic effect*

For citation: Safin R.N., Vladimirova L.V., Valeeva D.R. Anglicisms as a component of modern speech behavior (lexico-grammatical aspect). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (2). P. 87 – 95.

The article was submitted: January 27, 2025; Approved after reviewing: February 08, 2025; Accepted for publication: February 27, 2025.

Введение

Актуальность представленной работы составляет обращение к тому аспекту речи, который связан со спонтанным использованием новых, не освоенных языком единиц лексики. Таким образом, в научный оборот вводится новый словарный материал, который постоянно возникает в речи в больших количествах, что делает затрудненной своевременную словарную фиксацию. Актуальным является исследование данного материала в аспекте речевого поведения определенных групп, говорящих и пишущих на русском языке.

Цели и задачи исследования состоят в анализе и освещении некоторых обстоятельств использования в речи современных заимствований из английского языка. Исследуются лексические единицы, вошедшие в употребление недавно, а также те, которые спонтанно возникают в языке, использование которых носит единичный, уникальный характер. Количество подобных новообразований настолько велико, что делает весьма затруднительно своевременную словарную фиксацию новых лексических единиц. Современные интернет-словари, например, Википедия, более оперативны, и многие примеры в нашей работе – непонятные многим носителям современного русского языка – уже в той или иной форме отмечены в интернет-словарях.

Корпус научной литературы о лексических заимствованиях соответствует масштабу явления. Лингвисты называют плюсы и минусы варваризмов: с одной стороны – обогащение словаря, развитие стилистических возможностей, удовлетворение потребностей номинации, названия новых явлений, с другой – локальные разрушения языковой системы, разрыв словообразовательных связей, проблемы с пониманием.

Исследователи пишут о моде на заимствования и об источниках варваризмов: «Сильный приток иноязычных слов наблюдается как в связи с интернационализацией жизни, так и в связи с тем, что англоязычные страны в настоящее время являются так называемыми «законодателями мод» в современной жизни (в экономике, в интернет-сфере...)» [7, с. 306]. См. также: «В последние два-три десятилетия XX-XXI вв. заимствуются слова в основном из американского варианта английского языка, что формирует некоторую моду на употребление в речи английских заимствований» [10, с. 78].

К сожалению, трудно не признать доли справедливости в суждении о том, что обилие иноязычных заимствований в современном русском языке могут рассматриваться как проявление его кризиса [9, с. 2]. См. также: «В работах, посвященных состоянию современного русского литературного языка, в докладах, выступлениях отечественных лингвистов интонация тревожная. Русский язык подвергается нашествию иноязычных заимствований (прежде всего американизмов...), наша речь теряет качества литературности, нуждается в срочных мерах спасения» [8, с. 122].

И напротив, исследователи приходят к выводу о том, что «между значениями иноязычных неологизмов и ближайших по значению исконных слов обнаруживаются расхождения денотативного характера, не имеющие отношения к престижности самих слов или их употребления. Таким образом, новые заимствования необходимы прежде всего для концептуализации понятий, важных для социума, в котором язык функционирует как средство общения, а, следовательно, нужны носителям языка как членам этого социума [3, с. 140]. См. также: «Мы переживаем новый период в развитии литературного языка. И то, что часто рассматривается как порча, на самом деле это новые качества литературного языка, обусловленные новыми общественными условиями и новой языковой ситуацией» [8, с. 306]. О том же в других исследованиях: «...рассматривать заимствования можно как обогащение лексической системы в прагматических целях (быстрое заполнение лакун), а освоение (орфоэпическое, графическое, лексическое, морфологическое) заимствованных номинаций средствами русского языка предстает как более длительный процесс подчинения новых заимствованных слов законам русского языка, что приводит к расширению его номинативных возможностей» [4, с. 55-56].

Широкое, часто спонтанное использование англицизмов мы рассматриваем в качестве одной из характерных черт речевого поведения некоторых групп, говорящих и пишущих на русском языке, поскольку «...свойства индивида как говорящего, как "производителя" определенных высказываний обнаруживаются

прежде всего в пределах... групп» [5, с. 475]; см. также: «XXI век характеризуется активным развитием антропоцентрической парадигмы в лингвистике, в центре внимания которой лежит проблема «язык и личность». Важным при этом становится исследование типичной языковой личности представителя определенной социальной группы...» [6, с. 113]. Речевое, вербальное поведение выражается – среди многого прочего – выбором языковых средств: лексических единиц (слов, фразеологизмов), грамматических форм: «...речевое поведение личности является одним из ключевых элементов сложной системы поступков и действий, где особая роль отводится речевому воздействию на другого человека (аудиторию)...» [1, с. 57]; «... правила речевого поведения, традиции, которые делают нашу культуру уникальной, заложены предками...» [2, с. 133].

Материалы и методы исследований

Методология исследования представлена обзором научных работ отечественных исследователей по опросу лексических заимствований в русском языке, а также анализом лексических заимствований, использование которых носит единичный, уникальный характер, с позиций семантики и грамматической реализации. Сбор лексического материала осуществлялся методом сплошной выборки из письменных интернет-сообщений и интернет-переписки, газетной публицистики определенной тематики – спорт, жизнь молодежи, реклама и т.д., а также некоторых жанров устной речи – как правило устных публичных выступлений в официальной или полуофициальной обстановке. В качестве основного использовался описательный метод, предполагающий сбор языкового материала, классификацию языковых единиц и интерпретацию их особенностей.

Результаты и обсуждения

В последние полвека в русском языке появилась масса иностранных, в большинстве английских слов. Прежде всего, это слова, быстро освоенные русской речью, ставшие привычными, почти немедленно вошедшие в современные словари, по крайней мере, сетевые. Круг этих слов постоянно пополняется. Удачное заимствование дублируется в бесчисленных текстах – устных и письменных, быстро становится привычным, координирует свое место в языковой системе с имевшимся синонимом, либо вытесняет его. Некоторые из них становятся своеобразными символами эпохи: они на слуху, популярны в повседневной речи: лайфхак, кэшбек (кэш), хайп (хайповать – хайпануть), блогер (блог), инфлюенсер, ноунейм, контент и десятки других. Они много раз повторены в навязчивой рекламе по телевидению и в других телепередачах, в том числе, новостных: «А твой телефон умеет ловить кэшбэк? Лови лайфхак, как это сделать»; «Данный контент может содержать сцены табакокурения»; «Садимся на хайп, потому что нужны лайки.... Хайпанул на одном, потом хайпанул на другом..., получился фул-хайп»; «В момент нападения блогер находился вместе с другим инфлюенсером Дмитрием N»; «Это – позор! «Динамо» проиграло в Тбилиси ноунейму»; «Дело также в давлении со стороны родителей учеников и самих детей, которые буквально буллят не только молодых и «зелёных», но и опытных педагогов...» и проч. Одним словом, мы выигрываем гивы, ловим кэшбэки и лайфхаки, по утрам делаем воркаут, едим чикен-тортики, покупаем на маркетплейсах, нас буллят, но мы живем с мечтой о кэш-беке.

Одновременно, привлекают внимание примеры иного рода. В качестве одной из особенностей современной русской речи мы рассматриваем широкое употребление неосвоенных языком англицизмов, вырванных непосредственно из английского языка, вплетенных в ткань высказывания на русском языке. Особый параметр речевой деятельности – вплетение в речь неосвоенных или малоосвоенных варваризмов-англицизмов, спонтанное их использование: ай-стоппер, бэд лак, бэкграунд, велл дан, воркаут, гейт, гэг, камбэкнуть, конекшн, мастхэв, оффер, рЕкорд (с ударением на первом слоге), саспенс, скилл, слот, стайл, сторис, суммари, факт-чекинг, фэйл, харассить, хейтить, хорсик и многие другие.

Объем подобного материала непостоянен. Многие лексические единицы подобны бабочкам-однодневкам: жизнь их коротка, и в языке они не задерживаются. На их место приходят другие, которым уготовано либо забвение, либо включение в круг достаточно постоянно используемых.

Прежде всего отметим, что очень часто использование говорящим или пишущим окказионального варваризма представляется совершенно неоправданным. В репортаже о футбольном матче ведущий зачем-то вворачивает в свою речь нравящееся ему, но не всем понятное: «...придется переигрывать мяч... да, бэд лак...» Телеведущий на российском телеканале не уверен в том, что сказанное на русском языке будет понято собеседником, поэтому дает пояснение: «А теперь расскажите о себе, ваш бэкграунд, так сказать». Другой автор показывает непонятную неудовлетворенность обычным «добро пожаловать»: «Он не позволил свою дочь посадить на этот самолет, а другим – «велком».

В языке современной публицистики англицизмы вырастают как грибы после теплого дождя.

Некоторые слова быстро завоевывают популярность и некоторые из них фиксируются онлайн-словарями:

- абьюз (от англ. abuse «насилие над близким человеком, обычно психологическое, но также физическое, сексуальное, экономическое»): «Еще одна звезда тенниса признана виновной в абьюзе...»;
- вайб (от англ. vibe «вибрация, эмоциональное состояние, настроение или атмосфера, создаваемая человеком, обстановкой или событием»): «К тому же домашние матчи на «Центральном» добавят необходимого вайба», «В этом ресторане особый вайб»;
- геймплан (от англ. game plan «заранее продуманный сценарий противостояния, учитывающий слабые и сильные стороны соперника»): «Сломало ли удаление Роши геймплан Федотова?»;
- гейт (от англ. gate «ворота»): «Талибы вошли в ангар через гейт, который раньше охранялся...»;
- маркетплейс (от англ. «торговая площадка, которая продаёт товары и услуги разных продавцов через интернет»): «Купить мухоморы можно в свободном доступе не только в городе, но и в интернете. Кто-то заказывает их на маркетплейсах...» и многие другие.

Что касается приведенной группы примеров, в каждом случае мы можем догадываться об особых обстоятельствах их появления в языке: слово абьюз – это не насилие вообще, а насилие именно над близким человеком, геймплан связывается с планированием в спортивной сфере, гейт – с воротами только в определенных местах, вайб – просто с настроением, атмосферой, ощущениями определенного рода людей, которым хочется сказать о местах, событиях или людях как-то по-особенному, маркетплейс – слово, которое имеет отношение именно к интернет-торговле. См. также:

- бан (от англ. ban «запрещать» обычно обозначает формальный, официальный запрет): «В свете недавнего бана России на международной арене спортивные федерации и министерства активно принимают попытки компенсировать огромную потерю внутренними дополнительными турнирами»;
- гэг (от англ. gag «шутка, комический эпизод, комедийный прием, в основе которого лежит очевидная нелепость»): «А помните сцену погони Шурика и водителя автобуса на бочке за тройцей разбойников на автомобиле? Она богата на гэги, которые запоминаются на всю жизнь...».

Письменная речь фиксирует попытки вовсе не менять облик спорадически использованного слова. В спортивной газете обнаруживаем breaking news (от англ. «экстренное сообщение, срочная новость, новость дня»): «Вряд ли кто-то из нас пристально следит за сайтом Олимпийского комитета Бразилии, но сегодня на нем появилась действительно стоящая новость. Прямо-таки breaking news...».

Вторжение иностранного слова приводит к многообразным изменениям в лексической системе: вытесняются исконные слова, формируются новые синонимические ряды и антонимические оппозиции. Кроме того, имеют место определенные подвижки в грамматической системе.

Обратим внимание на два интересных, с нашей точки зрения, факта – влияние иноязычных грамматических форм и расширение круга неологизмов за счет устойчивых словосочетаний.

Что касается грамматических форм, любопытным представляется использование в форме множественного числа существительных, у которых этой формы не было. Форма множественного числа businesses в значениях «виды занятости, промышленные и прочие предприятия; район, где располагаются эти предприятия», обычная в английском, проникает и в русский язык, правда только в первом из двух названных значений: бизнесы «Какие бизнесы могут быть?»; «Бизнесы для Продажи.ру – продажа готового бизнеса».

Подобному влиянию также подвергаются некоторые отадъективные существительные абстрактной семантики на -ость, в общем неохотно образующие формы множественного числа. Обычное для английского языка activities («деятельность») оказывает влияние на изменение грамматической формы русского слова активность, появляется множественное число – активности: «В пылающей Калифорнии участились случаи мародерства. Власти призвали жителей о любых подозрительных активностях сразу сообщать в полицию»; «Это комната для дневных активностей... У нас помещение интерактивное, которое предполагает несколько видов активностей»; «У тебя бывали различные мероприятия, во многих активностях в Казани ты принимал участие, но такого масштаба все же не было...»; «Казалось, что после демонтажа бассейнов стадион, внутри которого были десятки активностей для горожан, наконец-то сделает футбол своей основной опцией, но это случилось далеко не сразу». По всей видимости, изменения грамматической формы может приводить и к определенным семантическим сдвигам.

Предположим, что подобная открывшаяся возможность способна оказать влияние также и на формообразование исконно русских слов, например, неопределенность: «У нас были неопределенности...». Английское множественное число sports в значении «виды спорта» стало возможным и в русском языке: спорты в том же значении «виды спорта»: «И эти проблемы мы видим в других спортах...». См. также работы: «У

подавляющего большинства участников команд есть другие работы...» на месте более привычного «есть другая работа».

Таким образом, видим, что дублируются на русский язык не только лексические единицы, но и грамматические формы.

В этом смысле интересно проанализировать некоторые неологизмы, которые имеют в языке-источнике форму множественного числа: ринг-герлз, сториз, трежерис. С точки зрения русского языка эти существительные не имеют формальных показателей множественного числа. Тем не менее, ринг-герлз (от англ. ring girls «девушки, которые выходят на ринг с табличками-анонсами раундов в некоторых видах спорта») воспринимается нами как существительное множественного числа: «Нурмагомедов ... заявил о бесполезности ринг-герлз на бойцовских шоу...», «Ивент пройдет без участия ринг-герлз». В русском языке встречаем и форму единственного числа этого слова – ринг-герл, т.е. финаль -з осознается нами как показатель множественного числа уже не в английском, а русском языке.

Субстантив сториз (от англ. stories «история, рассказ») воспринимается скорее как существительное единственного числа: «Она выложила у себя в Instagram сторис того, как команду поддержал чемпион мира...», а слово трежерис (от англ. treasuries, treasury – «казначейство») – «государственные долговые ценные бумаги, которые выпускает казначейство определенной страны: «Япония остается самым большим вкладчиком в трежериз США» большинством говорящих на русском языке не воспринимается никак, поскольку это слово понятно только узким специалистам.

Что касается расширения круга неологизмов за счет устойчивых словосочетаний, обычно мы имеем дело с транскрипционной передачей высокочастотных фразеологизмов. См., например, фразеологизмы:

1) с наречным значением:

– степ бай степ (от англ. step by step «постепенно, шаг за шагом»): «Гонка для нее проходит шаг за шагом, степ бай степ...»;

– хайли лайкли (от англ. highly likely «с высокой долей вероятности»): «Фраза британского премьера «весьма вероятно» или же «хайли лайкли» произвела революцию в мировом праве...»;

2) с предметным значением:

– клаймет чейндж (от англ. climate change «изменение климата»): «Это то, что ученые называют клаймет чейндж, изменение климата»;

– ланч баскет (от англ. lunch basket «набор готовых блюд для быстрого обеда»): «Ланч-баскет включает бутерброды, кекс, зерновой батончик, сезонные фрукты, орехи и бутилированную воду».

Спонтанное использование неосвоенных варваризмов в речи определяет некоторые особенности, которые затрагивают более крупные, по сравнению с лексическими, единицы – предложения, группы предложений. Любители иностранных слов часто испытывают потребность в том, чтобы в тексте с этими словами соседствовали либо исконно русские, либо иноязычные же, но привычные уху, давно освоенные объясняющие слова. Намерений здесь может быть два. Во-первых, естественное желание пояснить значение заимствованного неологизма. Вторая группа интенций – когда иностранное слово помещается в предложении на второе место, может быть объяснена привлекательностью варваризма, привыканием к нему – что, возможно, способно создать иллюзию его большей понятности.

Можно выделить несколько групп способов внутритекстовой семантизации варваризмов в русском языке новейшего периода.

1) Значение вновь появившегося англицизма поясняется с помощью расположенного неподалеку в тексте (или даже в том же предложении) синонима или синонимичного словосочетания.

Так не всем известное абьюз становится понятным благодаря использованному в следующем предложении словосочетания домашнее насилие: «Еще одна звезда тенниса признана виновной в абьюзе. Разбирательство шло восемь лет Бывшую первую ракетку мира в паре Леандера Паеса признали виновным в домашнем насилии...».

Таким же образом делается понятным модное сейчас воркаут (от англ. workout «тренировка на открытом воздухе»): «...Необычный воркаут сотрудника кафе в центре Москвы попал на видео. Сотрудника кафе застали за тренировкой со стульями в центре Москвы...». См. также:

– фишинг (от англ. fishing «вид интернет-мошенничества, при котором злоумышленники пытаются получить доступ к личной информации пользователя»): «...в лидерах среди мошенничества находятся фишинг (рассылка писем) и вишинг (телефонные звонки...)»;

– даун (от англ. down «вниз, внизу»): «Яблоко (речь идет о политической партии) окончательно пошло даун, вниз...»;

– триггер (от англ. trigger «спусковой крючок, элемент, приводящий нечто в действие»): «...и я могу вам сказать, что стало триггером к этому процессу, что стало спусковым крючком...»;

– шатдаун (от англ. shutdown «закрытие», выключение; в политическом контексте – временное прекращение работы федеральных органов власти США из-за отсутствия бюджета): «Правительству США вновь грозит «шатдаун» — остановка непервоочередных функций с временным роспуском госслужащих»;

– факт-чекинг (от англ. fact-checking «проверка фактов, новостей на достоверность»): «Это к вопросу о факт-чекинге, проверке фактов, да?» и т.д.

2) Для пояснения значения англицизма, в том числе использованного спонтанно, употребляется более развернутое пояснение либо цепь синонимов или синонимичных словосочетаний: См., например:

– девелопер (от англ. developer «разработчик»): «Кто такой девелопер и чем он отличается от застройщика? Девелопер – это и инвестор, и проектировщик, и застройщик, и риелтор...»;

– велл дан (от англ. well done «хорошо, отлично сделано»): «А я и не люблю мясо велл дан, да, как говорят хорошо приготовленное...» и т.п.

3) Семантизация англицизма может иметь вид полноценного определения научного понятия:

– фандрайзинг (от англ. fundraising «сбор средств»): «Фандрайзинг – это процесс привлечения финансовых и других ресурсов для благотворительных организаций, фондов и проектов, а фандрайзеры – это специалисты, которые этим занимаются. По понятным причинам обыватели сейчас очень недоверчивые – уж слишком много развелось мошенников...»;

– апсайкл (от англ. upcycle «переработка»): «...модное слово апсайкл – переработка натуральных отходов, одежды, вплоть до рекламных баннеров для производства одежды...» и проч.

4) Обращают на себя внимание примеры с иной, чем в вышеуказанных группах последовательностью расположения заимствованного слова и его русского соответствия, когда русское слово предшествует варваризму.

Например, месседж (от англ. message «послание, сообщение, обращение»): «И вот вам посыл, и вот вам месседж, товарищи: все пойдете на зону...» – говорящий то ли считает слово месседж более понятным, то ли ему просто хочется блеснуть модным, престижным, ему нравящимся словом.

– майлстоун (от англ. milestone «веха»): «Вот такой важный момент, майлстоун, как за океаном это принято называть»;

– титестер (от англ. tea «чай» + tester – «тот, кто пробует, испытывает»): «А сегодня в нашей передаче знаток чая, так сказать титестер...».

Использование «поясняющего» варваризма может быть вызвано и другими причинами, например, намерением ввести в высказывание термин или терминологическое сочетание: «...участились случаи «глушения» и возможной подмены сигналов GPS (спуфинг)...».

Исследование, посвященное современным заимствованиям из английского языка, было бы неполным без хотя бы поверхностного освещения прагматического аспекта – отношения к этим заимствованиям самих носителей русского языка.

Вот несколько интересных примеров, встреченных нами в интернет общении, которые показывают насмешливое, ироническое отношение к варваризмам: «Коворкинг, шмаворкинг, смарт-шмарт. Ничего не понятно, не видишь – ми кюшаем...»; «Я не тот человек. У меня даже Instagram нет. Так что я не знаю слов «хайп», «лайк»». См. также, как юмористически обыгрывается глагол забанить (бан от англ. ban «запрет»): «Забанено! Ты в бане!» Здесь же упомянем популярное в Сети: «Пап, не надо говорить «самодельный». Говори – «крафтовый». – Умник, бери крафтовую лопату и пошли майнить картошку...» Насмешку и некоторую горечь слышим в диалоге в одном из ток-шоу на Центральном телевидении. На заявление какого-то конторщика о своей работе с людьми: «У меня большой опыт работы в опенспейсе» ведущий передачи ответил: «Думал ли Леонов после выхода в открытый космос, что через много лет выражение опенспейс будет пониматься как “офисное пространство...”».

Комический эффект может возникать и помимо воли говорящего или пишущего. Например, на стене в учреждении висит объявление «Чек-лист уборки санузда». Подобный пример можно отнести к области речевых ошибок. Естественный источник ошибки – непонимание истинного значения понравившегося чужого слова: «Купаться там нельзя, ...утонул, хотя везде были вывешены запрещающие аншлаги». Аншлаг – давно освоенное русским языком слово, означающее «объявление о том, что все билеты (на спектакль, концерт, лекцию и т.п.) проданы».

И в заключение: вторгающиеся в наш язык варваризмы не могут не оказывать влияния на значение исконно русских слов и системные отношения между ними. «Дыхание» английского close game (close «близкий», close game – «равная игра») ощущаем в высказывании с прилагательным близкий: «Бой получился

конкурентным и очень близким...». А вот стремление акцентологически развести освоенное, «ставшее русским» слово рекорд (с ударением на втором слоге) иokkaзиональное pЕкорд (с ударением на первом слоге) в спортивном репортаже: «... его pЕкорд впечатляет...» в значении «список, перечисление успехов; своеобразное жизнеописание».

Наше исследование, примеры, собранные по различным образцам русской речи, свидетельствуют о том, что использование англицизмов превращается в привычку, становится чертой нашего современного речевого поведения. Мы постоянно демонстрируем престижность, превосходство иностранных слов, как бы глядя на мир глазами другого народа. Это не проходит бесследно ни для нашего внутреннего мира, духовной жизни, ни для самого русского языка, система которого – прежде всего, лексическая – подвергается уродующей его деформации. Кстати, замечено, что многие люди, действительно глубоко знающие иностранный язык, с бережностью и уважением относятся к родному.

К сожалению, не потеряли актуальности в наше время давно с горечью сказанные Лениным слова «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно». И забыто, к несчастью, тургеневское «Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас».

Выводы

В предложенной статье мы рассматриваем широкое употребление неосвоенных языком англицизмов, вырванных непосредственно из английского языка, вплетенных в ткань высказывания на русском языке, в качестве одной из особенностей современной русской речи. Вторгающиеся в наш язык варваризмы не могут не оказывать влияния на значение исконно русских слов и системные отношения между ними.

Объем исследуемого материала непостоянен. Жизнь многих новообразований коротка, зачастую она ограничивается одноразовым использованием. Часто употребление говорящим или пишущимokkaзионального варваризма представляется совершенно неоправданным.

Однако не всем неологизмам уготовано забвение – некоторые из них могут продолжить бытование в языке, будучи включенными в круг достаточно постоянно используемых. Удачное заимствование дублируется в бесчисленных текстах – устных и письменных, быстро становится привычным, координирует свое место в языковой системе с имевшимся синонимом, либо вытесняет его. Некоторые из них становятся своеобразными.

Вторжение иностранного слова приводит к многообразным изменениям в лексической системе: вытесняются исконные слова, формируются новые синонимические ряды и антонимические оппозиции. Кроме того, имеют место определенные подвижки в грамматической системе.

Мы обращаем внимание на две группы явлений – влияние иноязычных грамматических форм на исконно русские и расширение круга неологизмов за счет устойчивых словосочетаний. Что касается грамматических форм, в работе регистрируются морфологические изменения – например, использование в форме множественного числа существительных, у которых этой формы не было. Что касается расширения круга неологизмов за счет устойчивых словосочетаний, обычно мы имеем дело с транскрипционной передачей высокочастотных фразеологизмов.

Спонтанное использование неосвоенных варваризмов в речи определяет некоторые особенности, которые затрагивают более крупные, по сравнению с лексическими, единицы – предложения, группы предложений. Регистрируется определенная потребность в том, чтобы в тексте с лексемами, являющимися предметом нашего изучения, соседствовали либо исконно русские, либо иноязычные же, но привычные уху, давно освоенные слова. Намерений здесь может быть два. Во-первых, положение русского слова перед иностранным демонстрирует естественное желание пояснить значение заимствованного неологизма, осуществить его внутритекстовую семантизацию. Вторая группа интенций – когда иностранное слово следует за исконно русским – может быть объяснена привлекательностью варваризма, привыканием к нему, что, в свою очередь, способно создать иллюзию его большей понятности.

Можно выделить несколько групп способов внутритекстовой семантизации варваризмов в русском языке новейшего периода.

1) Значение англицизма поясняется с помощью расположенного неподалеку в тексте (или даже в том же предложении) синонима или синонимичного словосочетания.

2) Для пояснения значения англицизма, в том числе использованного спонтанно, употребляется более развернутое пояснение либо цепь синонимов или синонимичных словосочетаний.

3) Внутритекстовая семантизация англицизма может иметь вид полноценного определения научного понятия.

Наше исследование, примеры, собранные по различным образцам русской речи, свидетельствуют о том, что использование англицизмов превращается в привычку, становится чертой нашего современного речевого поведения. Мы постоянно демонстрируем престижность, превосходство иностранных слов, как бы глядя на мир глазами другого народа. Это не проходит бесследно ни для нашего внутреннего мира, духовной жизни, ни для самого русского языка, система которого – прежде всего, лексическая – подвергается уродующей его деформации. Тем не менее замечено, что многие люди, действительно глубоко знающие иностранный язык, с бережностью и уважением относятся к родному. В плане прагматики необходимо отметить выраженное в текстах негативное – иногда неодобрительное, иногда насмешливое – отношение к описанной нами манере речевого поведения.

Список источников

1. Багдасарян Т.М. Речевое поведение личности как элемент сложной системы поступков и действий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 4 (82). Ч. 1. С. 57 – 61.
2. Гончаров Д.С., Сарычева С.А., Логинова Е.Ю. Об изменениях в речевом поведении современных участников коммуникации // XLVIII Самарская областная научная студенческая конференция: Социальные и гуманитарные науки: в 2-х т. Самара: Эко-Вектор Ай-Пи, 2022. Т. 2. С. 133 – 134.
3. Горбов А.А. Заимствования в русском языке рубежа XX–XXI веков: дань моде или способ концептуализации актуальных понятий? // Acta Slavica Estonica V. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVI. Антропоцентризм в языке и речи. Тарту: Изд-во Тартуского университета, 2014. С. 127 – 140.
4. Клушина Н.И. Тенденции развития лексики русского языка в коммуникативном пространстве Интернета // Terra Linguistica. 2023. Т. 14. № 3. С. 52 – 60.
5. Крысин Л.П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004. С. 475 – 485.
6. Ляшенко А.А. Речевое поведение языковой личности документоведа в контексте теории речевых жанров (на материале записей устной речи сотрудников университета) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 7 (73). С. 113 – 116.
7. Рубцова Е.В., Девдариани Н.В. Основные тенденции в области заимствований в русском языке начала XXI века // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 305 – 308.
8. Солганик Г.Я. Современная языковая ситуация и тенденции развития русского литературного языка // Вестник Московского университета. Серия 10 «Журналистика». 2010. № 5. С. 122 – 135.
9. Стернин И.А. Кризис или развитие? // Русский язык конца XX века. Воронеж, 1998. С. 2 – 23.
10. Шестакова К.С. Современные тенденции в области лексических заимствований русского языка // Бюллетень Южно-Уральского университета. Серия «Лингвистика». 2019. Т. 16. № 4. С. 78 – 81.

References

1. Bagdasaryan T.M. Speech behavior of an individual as an element of a complex system of actions and deeds. Philological sciences. Theoretical and practical issues. Tambov: Gramota, 2018. No. 4 (82). Part 1. P. 57 – 61.
2. Goncharov D.S., Sarycheva S.A., Loginova E.Yu. On changes in the speech behavior of modern communication participants. XLVIII Samara Regional Scientific Student Conference: Social and Humanitarian Sciences: in 2 vol. Samara: Eco-Vector IP, 2022. Vol. 2. P. 133 – 134.
3. Gorbov A.A. Borrowings in the Russian language at the turn of the 20th–21st centuries: a tribute to fashion or a way of conceptualizing current concepts? Acta Slavica Estonica V. Works on Russian and Slavic Philology. Ling-vistika XVI. Anthropocentrism in Language and Speech. Tartu: Tartu University Press, 2014. P. 127 – 140.
4. Klushina N.I. Trends in the Development of Russian Lexicon in the Communicative Space of the Internet. Terra Linguistica. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 52 – 60.
5. Krysin L.P. On Human Speech Behavior in Small Social Communities (Statement of the Question). The Russian Word, Its Own and Someone Else's: Research in the Modern Russian Language and Sociolinguistics. Moscow, 2004. P. 475 – 485.
6. Lyashenko A.A. Speech behavior of the linguistic personality of a document specialist in the context of the theory of speech genres (based on the recordings of oral speech of university employees). Philological sciences. Questions of theory and practice. Tambov: Gramota, 2017. No. 7 (73). P. 113 – 116.
7. Rubtsova E.V., Devdariani N.V. The main trends in the field of borrowings in the Russian language at the beginning of the 21st century. Baltic Humanitarian Journal. 2020. Vol. 9. No. 2 (31). P. 305 – 308.

8. Solganik G.Ya. The modern language situation and trends in the development of the Russian literary language. Bulletin of Moscow University. Series 10 "Journalism". 2010. No. 5. P. 122 – 135.
9. Sternin I.A. Crisis or development? Russian language at the end of the twentieth century. Voronezh, 1998. P. 2 – 23.
10. Shestakova K.S. Modern trends in the field of lexical borrowings of the Russian language. Bulletin of the South Ural University. Series "Linguistics". 2019. Vol. 16. No. 4. P. 78 – 81.

Информация об авторах

Сафин Р.Н., кандидат филологических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Владимирова Л.В., кандидат филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, lvladimi58@mail.ru

Валеева Д.Р., кандидат филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет

© Сафин Р.Н., Владимирова Л.В., Валеева Д.Р., 2025